

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия — 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вава

Младенец с кельтской шапочкой — 13. С маминой стороны — 16.
Калуга — 18. Дорога в Загранье — 19. Со стороны отца — 22.
Лето в Загранье — 23. Калуга. Первые уроки — 27. Страшные сказки
и другие книжные пристрастия — 29. Игры — 32. Рязань — 34.
В форменной шляпе и парадном белом фартуке... — 35. Судьбоносная
книга — 41. Первый бал и еще одна “книга для девочек” — 43.
Предвестники потрясений — 46. На пороге — 50. Московские высшие
женские курсы — 51. Профессор Павлов и Мария Васильевна
Павлова — 54. Полевые практики — 56. Новый преподаватель — 59.
Лето 1911-го. Средний Урал, пещерные истории — 63. Сепарация — 66.
Ведьма и активистка — 66. Средний Урал. Пещерные истории,
часть вторая — 68. Высшие женские курсы. Совсем своя — 72. Война.
Первая мировая — 76. Первая награда — 82. Высшие женские курсы.
Вава-стегозавр — 83. Вава и любовь — 87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вик

Тиман и Цильма — 105. 1917 год. Москва — 120. Печора. 1918 год — 127.
Последний год Загранья — 130. Геологи и гражданская война — 136.
Москва. 1919–1920 годы — 138. 1921 год. Москва — 148. 1921 год.
Печора — 150. 1922 год. Москва — 167. Арест и батюшки — 170. 1925 год.
124-й лист, первый сезон — 175. Свои люди — 178. Жизнь в Москве.
1920-е годы — 185. Река Унья, 124-й лист карты — 188. Третий Всесоюзный
съезд геологов — 192. Всесоюзный съезд геологов, *afterparty* — 195.
На два города — 196. Евпатория вместо Африки — 201. Мушкетов.
Пик карьеры — 208. Новая реальность — 209. Вик и любовь — 213.
Мушкетов. С горы — 220. Тексты изданные и неизданные — 227.
Пастораль и начало ГУЛАГа — 230. Тридцатые годы. Педагогический

институт — 232. Опять Губкин — 236. Варсанофьева и ВКП(б) — 239.
Д.И. Мушкетов. 1935, 1936 годы — 242. Варсанофьева и Чернов-
младший — 249. 1937 год — 251. Международный геологический конгресс.
Речи — 254. Международный геологический конгресс. Программа — 258.
Международный геологический конгресс. Итоги — 269. Москва. Конец
1930-х — 270. Темная полоса — 275. 1941 год. Начало войны — 279.
Война. Первые месяцы — 282. Москва, 1942 год — 291. Вера Александровна
и Тата — 294. Жизнь кроме Таты. 1942–1943 годы — 306. Москва,
1944 год — 314. Полевой сезон 1944 года — 316. Юбилей академии наук
СССР, или Босиком по лужам — 321. Ожившие надежды — 325.
Печора. Тридцать пять лет спустя — 329. Прощай, Вик — 335

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вера Александровна

Жизнь после войны — 341. “Дело геологов” — 344.
Депутат Варсанофьева — 353. Спасти заповедники. Часть первая — 359.
Смерть Сталина и жизнь Варсанофьевой — 364. Спасти заповедники.
Часть вторая — 367. Прочь из Москвы — 376. Не по возрасту — 380.
Ветряные мельницы — 384. Опять на два города — 385. Мушкетов. Конец
истории — 391. “Привезите мне череп” — 400. Про детей и котиков — 403.
1960-е годы. Путешествия — 408. Последняя из могикан — 411

От благодарного автора — 425

Вместо предисловия

Вы пишете о моих первых статьях, написанных на заре научной жизни. Да, это было прекрасное время и все были другие: и капитан, и люди, и нетронутая природа этих мест, и я сама — молодая, совершенно иного внешнего вида, чем теперь, полная веры в моральное усовершенствование человечества, в возможности безмятежного наслаждения наукой и жизнью и видевшая перед собой годы странствования по всем материкам земного шара, верившая в свое восхождение на Эверест, плавание по Амазонке и знакомство с вулканами Анд, видевшая свою будущую жизнь как прекрасный путь любимого труда и наслаждения¹, — писала Вера Александровна Варсановьева в апреле 1965 года своему ученику и младшему товарищу Вячеславу Семёновичу Лукину.

Вере Александровне было тогда семьдесят шесть — возраст, когда вполне можно подводить окончательные итоги. И, судя по всему, итоги жизни показались Варсановьевой неутешительными: восхождение на Эверест, сплав по Амазонке, знакомство с вулканами Анд не состоялись. О моральном усовершенствовании человечества после всех событий XX века тоже говорить не приходилось. Не удалось и с безмятежным наслаждением наукой. Да и зеркало неумолимо показывало изменившиеся черты. Где юная девушка, в которой одноклассники видели прекрасную колдунью? Где полная сил черноволосая женщина, которую восхищенные коллеги звали феей гор? Когда-то, как героиня ее лю-

¹ Письма В.А. Варсановьевой // Лукин Вячеслав Семёнович: сборник, посвященный 100-летию со дня рождения ученого. Пермь, 2014. С. 149. Здесь и далее все письма и дневниковые записи приведены в соответствии с правилами современного русского языка.

бимого детского рассказа, она отправилась на поиски горизонта, но дорога оказалась и непростой, и длинной. Были открытия, красота мира, замечательные люди, разочарования, трагедии, предательства, одиночество.

Ее главным жизненным выбором стало служение науке. Работа, а не личная жизнь. Было много других выборов — калибром помельче, но тоже чрезвычайно важных. Не вступать в партию, но и не вставать в оппозицию. Не писать доносов, но и не рваться на баррикады. Беречь себя для науки.

Насколько оправданным казался ей такой подход в последние годы жизни? И как прочувствовала она, первая в нашей стране женщина — доктор геолого-минералогических наук, разочарование, накрывшее многих ученых и философов XX века? Они верили, что пришедшая на смену религиозным догмам наука сделает мир счастливым. Вместо этого она дала миру оружие массового поражения и уродливые результаты освоения природы: карьеры, грязные реки, вырубленные леса и высохшие озера. Ни благоденствия, ни единой картины мира так и не появилось.

Вере Александровне выпало пережить три войны, три революции и сталинский террор. Но в ее личном архиве только наука и путешествия. Варсанофьева выбрала для своей жизни парадный фасад — красивая судьба сильной и умной женщины, академика и доктора наук. Выбрала и твердо держалась этой линии: ее огромный архив, хранящийся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), оставляет ощущение подчищенности. Постоянно как будто чего-то не хватает. Раз за разом читаешь, доходишь до самого интересного места — и вдруг нет листочка или даже писем сразу за целый год, хотя в последнем сохранившемся ничего не предвещало разрыва переписки.

Что бы я дала, чтобы спросить у нее, как пережить бури, катаклизмы и трагедии истории, сохранив себя? Как не сломаться и не потерять веру в человека и человечество? Где взять сил на прямую спину, гордо поднятую голову и доброжелательную улыбку? Об этом Вера Александровна могла бы прочитать спецкурс. Вместо этого она железной рукой убирала то, что считала опасным и/или лишним. Готовя архив к вечности, пересмотрела все документы, разложила по стопкам и папкам (отдельная — на утилизацию), позвонила в РГАЭ и обо всем договорилась. За документами

к ней приехали домой. Елена Николаевна Калинина, которая была в те годы совсем молодым специалистом, а сейчас заведует отделом личных фондов, отлично запомнила этот день. Говорит, что Варсанофьева совершенно не была похожа на старушку — “дама и француженка, в ней чувствовалась порода”.

В этой книге — моя тоска по этой утраченной породе, попытка через уроки чужой жизни понять, как жить свою.

Мне остается лишь предупредить: научным достижениям доктора геолого-минералогических наук, члена-корреспондента и заслуженного деятеля в этой книге уделено мало внимания. Это исследование частной жизни выдающейся женщины в сложное время.

Писать о Варсанофьевой было и детективно-увлекательно (любовные и семейные тайны, удивительные, порой опасные приключения), и тяжело (из-за исторического контекста), и целительно. Вера Александровна оказалась личностью неидеальной. Она совершала ошибки и тоже не знала, “как правильно”. А это, согласитесь, дает надежду и нам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вава

МЛАДЕНЕЦ С КЕЛЬТСКОЙ ШАПОЧКОЙ

“Воскресный ребенок — счастливый ребенок!” — сказала акушерка, передавая матери младенца, пухлую увесистую девочку с шапочкой светлых волос на голове. Бабушка тут же углядела еще одну примету: “Да у нее кельтские волосы!” — что также считалось добрым предзнаменованием. Акушерка говорила на немецком (“*Sonntagskind — Glückskind!*”), а бабушка — на французском (“*Mais elle est née coiffée, cette petite*”). Родным был французский и для мамы младенца Юлии Львовны Варсанофьевой, урожденной Юлии Полины Виктории Вилькен.

По-настоящему русским в этой семье был только ее глава — дворянин, военный артиллерист Александр Степанович Варсанофьев.

Где, когда и при каких обстоятельствах Александр Степанович познакомился с Юлией Полиной Викторией Вилькен — сказать затруднительно, но первая дочь, Елена, родилась у Варсанофьевых в 1886 году, когда Александру Степановичу было тридцать четыре, а Юлии Львовне — тридцать лет. Вторая появилась на свет три года спустя.

В то время, как, впрочем, и теперь, военная служба подразумевала разъезды. И если родилась девочка в Москве, в доме бабушки и деда, там же, где появились на свет ее старшая сестра, а до этого мама и четверо дядек, то первые годы жизни маленькая Вера (так называли младенца с кельтскими волосами) провела в Павловской слободе, в тридцати километрах от Москвы, где стояла 3-я артиллерийская бригада Московского военного округа.

Белая шапочка на голове быстро и безвозвратно потемнела, девочка выросла на редкость брюнетистой: черные волосы, густые брови, темные живые глаза. Домашние чаще звали ее не Верой, а Вавой.

Может, начиная говорить, она именно так произносила свое имя? Или это как-то связано с довольно распространенным в разговорах с младенцами словечком “вава” в значении “болячка, ушиб, царапина”? А может, Лена, коверкая язык, называла младшую сестру этим странным словом?

Самые ранние воспоминания Вавы Варсанофьевой относятся к первому году жизни, а много ли найдется людей, которые помнят себя в младенчестве? Она уже пыталась ходить, но предпочитала ползать и однажды встретила под столом котенка. Его зеленые глаза, серую шерстку с белой манишкой и носочками Вера Александровна описала в черновике своих мемуаров, несколько страниц которых хранятся в РГАЭ.

Сразу после рассказа о котенке идет еще одно счастливое воспоминание:

Значительно позже, когда мне было не менее 2–2,5 лет, мы гуляли с сестрою Леной вблизи нашего дома и собирали цветы на склонах придорожного рва, который казался мне тогда настоящим оврагом. Здесь цвели белые и золотисто-желтые подмаренники. <...> Был яркий, летний, солнечный день. Золотые и белые цветы, зеленая трава и голубое небо, простор большого луга впервые вызвали в моей детской душе то непередаваемое ощущение радости жизни, наслаждения привольем и красотой божьего мира, которое впоследствии я много раз более глубоко и сознательно переживала в общении с природой и которое доставило мне минуты самого безоблачного счастья. Тот день оставил неизгладимый след в моей памяти¹.

Кроме няни за девочками приглядывала старшая помощница по хозяйству Прасковья Васильевна Зотова. Она была родом из Сергиева Посада, городка, выросшего вокруг Троице-Сергиевой лавры. Иногда ездила туда навестить родственников и всегда привозила девочкам Варсанофьевым гостинцы и подарки. Сергиев Посад называли “столицей потешного царства”, очень уж хороша была сергиевская игрушка ручной работы. К началу XX века в самом Сергиевом Посаде и его окрестностях работало около трехсот потешных мастерских. Промысел был прибыльным: купить игрушку

¹ Личные дневники и воспоминания Варсанофьевой В.А. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 463. Л. 2–3.

у стен Троице-Сергиевой Лавры считалось богоугодным делом, ведь по легенде сам преподобный Сергей Радонежский когда-то вырезал и раздаривал ребятам деревянных лошадок и дудочки.

Одним из самых популярных и ходовых в те времена был огромный строительный набор лавры со всеми ее храмами, стенами и башнями. Такой и получили однажды в подарок Лена и Вера. В играх Веры церкви стали людьми, а соборная колокольня — царицей. Эта девочка не особо жаловала кукол, зато с увлечением играла фигурками животных. На всю жизнь самой любимой стала сова-свисток, Вера называла ее совушкой. Именно так, с ударением на второй слог. Свисток привезли своей трехлетней внучке из Швейцарии бабушка с дедом. Позже совушка из игрушки превратится в талисман и будет везде путешествовать со своей хозяйкой, а вот куда она делась после смерти Веры Александровны установить, к сожалению, не удалось.

Отдельным приключением Вериного детства были поездки в Москву к бабушке и деду. Особенно зимой, в санях, по свежеевпавшему снегу. Двухлетняя Вера однажды поставила няню в тупик, спрашивая, куда убегают елочки. Зимник был таким ровным, что движения саней совершенно не ощущалось, и малышке казалось, что сани стоят на месте, а деревья на обочинах бегут домой, в Павловскую слободу.

Из Павловской слободы Александра Степановича Варсанофьева перевели в Калугу. Еще один небольшой городок, где Варсанофьевы успели пожить на двух разных квартирах.

Как переезжали в те годы? Без транспортных компаний, сервисов по упаковке вещей и сетевых магазинов, когда в новом городе можно купить ту же мебель, что была на старом месте, а привычные тарелки и полотенца заказать по каталогу. В XIX веке уют был штучным, и Варсанофьевы возили его с собой, обрастая от города к городу все большим количеством того, что жалко выбросить, — милых сердцу безделушек.

Первая квартира Вере почти не запомнилась, разве только по контрасту с московским домом бабушки и деда. После их просторных комнат и высоких потолков оказаться в Калуге маленькой Верочке было неприятно, и она просилась обратно в Москву. И ничего удивительного в этом нет.

С МАМИНОЙ СТОРОНЫ

Дедом Веры Александровны по материнской линии был Лев Андреевич Вилькен, владелец знаменитого на всю Москву магазина “Вандрагъ”, где продавались шляпы и цилиндры известной с 40-х годов XIX века династии шляпников Вандрагов, а также перчатки, галстуки, портфели, подзорные трубы и лорнеты, которые возили из-за границы уже Вилькены¹. Они состояли с Вандрагами в родственных отношениях: бабушка Юлии Львовны в девичестве носила фамилию Вандраг, а Варфоломей Иванович Вандраг (в церковной книге он записан как “Бартеlemi”), последний представитель прославленной династии, был крестным отцом Юлии Вилькен (Варсанофьевой)².

Известно, что Вилькены жили прямо над шляпным магазином. Его адрес установить за давностью лет не удастся: Кузнецкий Мост, и всё тут. Некоторые подсказки дают, как ни странно, фотографии. В мемуарах Веры Александровны упоминаются А.Ф. Эйхенвальд и Г.В. Трунов, с которыми в разные годы жизни соседствовали Вилькены. А это уже зацепка!

Фотограф и художник Александр Фёдорович Эйхенвальд, известный тем, что первым начал фотографировать при электрическом освещении, восстанавливать и сохранять негативы, с 1876 по 1884 год снимал студию и жил вместе с семьей по адресу Петровка, 12³. Прекрасный доходный дом с атлантами на фасаде, к сожалению, не сохранился, но в строениях, которые составляли с ним один комплекс, сейчас квартирует Высшая школа экономики. Хозяйкой этого доходного дома была Екатерина Матвеева. Ближе к концу века на фотографических карточках, вышедших из студии другого соседа-фотографа, — на этот раз речь идет о Георгии Васильевиче Трунове, — читаем: “Петровка,

¹ Московский адрес-календарь для жителей Москвы, составлен по официальным документам и сведениям К. Нистремом: в 4 т. М., 1842. Т. 3. С. 154. Т. 4. С. 259. URL: <https://lobgott.livejournal.com/18350.html>.

² Установлено по записям в церковных книгах.

³ Фотограф Александр Фёдорович Эйхенвальд. URL: <https://www.photographer.ru/resources/names/photographers/89.htm>.

д. Фирсановой, над магазином «Вандрагъ»»¹. Это значит, что Вилькены сменили квартиру и, судя по всему, из прекрасного дома с атлантами переехали в дом теперь уже превосходный и только-только построенный.

О его хозяйке стоит рассказать отдельно. Вера Ивановна Фирсанова была ярчайшей представительницей дореволюционных бизнесменок России. Она родилась в семье купца первой гильдии, миллионщика Ивана Григорьевича Фирсанова. Была единственным ребенком, возможно, поэтому получила не только отличное образование, но и огромные амбиции. Впрочем, это не уберегло ее от раннего и неудачного замужества. Отец выдал девушку за перспективного банковского служащего, который оказался ревнивым и скупым. Любви не вышло. Пока был жив отец, о разводе не могло идти и речи, зато, как только Ивана Григорьевича не стало (а умер он скоропостижно и довольно рано), Вера подала на развод. Чтобы обрести независимость, ей пришлось заплатить мужу миллион отступных.

Молодая женщина взяла в свои руки не только отцовские деньги, но и отцовские дела. Управляла лесоторговыми предприятиями, разбросанными по всей стране, занималась благотворительностью, дружила с Шаляпиным, а еще контролировала строительство домов на двадцати шести московских земельных участках. В их числе был участок с Сандуновскими банями. Фирсанова, а точнее, ее новый муж Алексей Ганецкий, провел их масштабную реконструкцию, превратив в одно из самых популярных и известных мест Москвы. В комплексе с банями был построен шикарный доходный дом. С маскаронами в виде львиных масок и головы Тритона, с лепными фигурами морской девы и юноши, трубящего в рог (оба на конях выезжают из пены морской), трехчастной аркой, ведущей во внутренний дворик с фонтаном, и, конечно, с магазинами на первом этаже.

Возможно, Вилькены переехали с Петровки, 12 именно сюда. В 1890-х годах бизнес Вандрагов–Вилькенов переживал расцвет.

¹ История России в документах. URL: <https://hisdoc.ru/organizations/7350>.

Очередь за шляпками Варфоломея Ивановича выстраивалась на несколько месяцев вперед, а к 1905 году у Вандрага было более трехсот постоянных клиенток категории *VIP*¹. Процветал и магазин, через который шли продажи шляпок и которым владел Лев Андреевич Вилькен. Переезд в модный и известный всей Москве дом Фирсановой, расположенный прямо перед Сандуновскими банями, был не столько тратой денег, сколько коммерчески просчитанным ходом, приближавшим магазин к его целевой аудитории.

Об уровне этой аудитории косвенно можно судить по сохранившимся карточкам фотографа Г.В. Трунова. На их обороте значится: “Придворный фотограф Его Величества Шаха Персидского, Его Величества Короля Сербского, Его Высочества Эрцгерцога Австрийского, Его Высочества Князя Черногорского и Его Высочества Наследного Принца Швеции и Норвегии”². Вряд ли все они приходили в студию Трунова на Кузнецком Мосту, но выводы о статусе его клиентуры сделать можно. Фотографировал Трунов и российскую царскую семью. И Вилькенов с Варсанофьевыми, кстати, тоже.

Немудрено, что малышка Вава почувствовала разницу между высокими потолками бабушки и комнатками дома в Калуге! Впрочем, довольно быстро эту, тесную и неудачную квартиру Варсанофьевы поменяли, и о второй калужской квартире Вера Александровна вспоминала уже с любовью.

КАЛУГА

Это был центр города, совсем рядом с Соборной площадью и садом. На первом этаже находились мастерская переплетчика и квартира его семьи. Второй этаж сняли Варсанофьевы. В квартире было шесть комнат: гостиная, столовая, кабинет Александра Степановича, спальная комната родителей, детская и комната помощницы по хозяйству Прасковьи Васильевны Зотовой.

В детской помимо двух кроватей стоял шкаф (нижние полки — для игрушек, верхние — для книг), а в центре — стол для

¹ Российское шляпное ателье “Вандраг”. История моды. 09.12.2017. URL: <http://designersfromrussia.ru>.

² Текст на обороте фотографических карточек, выполненных Г.В. Труновым.

игр и занятий. Он был небольшим, детским, и девочки активно его использовали, переворачивая вверх ножками и превращая то в корабль, то в вагон поезда, то в возок. В углу было стойло игрушечного гнедого коня по кличке Герой. Его подарили Лене на один из дней рождений, и Герой был полноправным участником большинства детских игр.

В гостиной стояла нарядная мягкая мебель и мамины шкафы с книгами в красивых с золотом переплетах. На письменном столе (опять же мамином, у папы свой кабинет) с бюваром и хорошим письменным прибором Верин взгляд притягивала маленькая коробочка для марок. Под ее стеклянной крышкой прятался “шерстяной” цветок эдельвейс. Юлия Львовна рассказывала дочкам, что он растет в Альпах — горах, вершины которых всегда покрыты снегом, где когда-то познакомились на экскурсии их француженка-бабушка и дед-бельгиец. Чуть ниже вершин, но тоже высоко, живут пастухи, каждое лето пригоняющие на альпийские луга свои стада. “Смотри, Верочка, вот такие у них домики! Видишь камни на крыше? Это чтобы зимой ее не снесло лавиной”, — показывая на карандашницу в виде пастушьего домика, говорила мама. Эти вещицы вместе со свистком-совушкой привезли московские бабушка и дедушка: по коммерческим делам они бывали в Швейцарии довольно часто. На полочках вдоль стен гостиной теснились саксонские статуэтки, китайская вазочка, друза горного хрусталя.

У дома имелся всего один недостаток — не было собственного сада, поэтому гулять ходили в городской¹, разбитый на месте древней крепости на высоком берегу Оки. Оттуда открывался прекрасный вид на долину реки и заокские дали, но это было все равно “не то”, и в 1893 году (Вере — четыре года, Лене — семь лет) Юлия Львовна решает вывезти дочерей на все лето в Загранице, имение Варсанофьевых в Тверской губернии. У Александра Степановича служба — поехать с семьей не выходит.

ДОРОГА В ЗАГРАНЬЕ

К началу 1890-х в Загранице живет только мать Александра Степановича, Наталья Яковлевна; отец, Степан Иванович Варсанофьев,

¹ Сейчас — Центральный городской парк культуры и отдыха.

умер за несколько лет до этого. Дети — Александр (отец Веры), Ипполит, Николай, Ольга, Екатерина, Александра, Наталья и Варвара — выросли и разъехались, осталась лишь последняя, которую все родственники зовут Авой или Авушкой. Варвара Степановна выбрала судьбу старой девы, чтобы ухаживать за матерью и управлять хозяйством.

Юлия Львовна, Лена, Вава, няня девочек и Прасковья Васильевна выезжают из Калуги в самом начале лета. Промежуточная остановка — в Москве: три дня у старших Вилькенов — и вот уже бабушка с дедом стоят на московском перроне и машут внукам платочками, девочкам вручены конфеты и книжки (Вере — с картинками, Лене — “по возрасту”, для самостоятельного чтения). Вперед, вперед! Сперва до Бологого, где нужно перейти на другую железнодорожную ветку и потом сесть на поезд до Бежецка; оттуда еще восемьдесят пять верст до Загрянья.

От переезда по железной дороге у меня остались яркие воспоминания о Бологовской лестнице¹, на которую приходилось подниматься, чтобы попасть на Рыбинский путь. Она показалась мне очень, очень высокой, и мне очень хотелось спать, а кроме того, я очень боялась, что Паша где-нибудь забудет Мишку, которого она несла в одной руке, держа меня за руку другой. Совушка была уложена в чемодане, а Заиньку-Паиньку оставили дома, так как ее очень легко было разбить в таком путешествии. Нас очень быстро уложили спать в новом вагоне, где я тотчас же глубоко заснула².

В Бежецке их встречали: у вокзала стояли тарантасы. Вдобавок оказалось, что дама, обслуживающая дамскую комнату, хорошо знает Александра Степановича и его братьев с сестрами. Варсанофьевых напоили чаем, обласкали и развлекли разговорами.

Самый большой тарантас запряжен тремя белыми лошадьми, а на козлах сидит пожилой лейб-кучер бабушки Андрей Корнилович. Когда-то он был крепостным Варсанофьевых, но и после реформы остался при барыне. Лошадей зовут Беянушка, Цыганушка и Попугай. Они гладкие и откормленные, но весьма возрастные. Когда Лена спросила, почему белоснежную лошадь на-

¹ Орфография и пунктуация воспоминаний и писем В.А. Варсанофьевой и ее адресатов приводится в соответствии с современными нормами русского языка с сохранением некоторых особенностей авторского написания.

² Личные дневники и воспоминания Варсанофьевой В.А. Л. 10.

звали Цыганкой, Андрей Корнилович пояснил, что она побелела “с годами”, а смолоду была совсем черной.

Выезжая из Бежецка, Юлия Львовна купила большой пакет конфет и пряников, чтобы бросать ребятишкам, которые открывают в деревнях ворота околиц. Лена с Верой быстро заметили, что не все дети успевают поймать угощение, и попросили маму докупить конфет. (Ишь как! Помещики! Землевладельцы! Здесь и крепостной лейб-кучер, и конфетки от барских щедрот — ничего такого в ее официальной биографии нет и в помине.)

Путь от Бежецка до Загранья занял весь день. Чтобы пообедать и дать лошадям отдых, остановились “в деревне с церковью”. Дальше дорога шла лесом — несколько раз видели белок, один раз зайца. Девочкам все интересно.

Меня глубоко поразили в лесу муравейники очень высоких размеров. Я таких никогда не видела и просила маму рассказать мне, как же муравьи их строят. Мама рассказала очень интересно про жизнь муравьев в этих своеобразных постройках. “А в Загранье есть муравейники? Можно будет их посмотреть?” — спрашивала я. “Конечно, есть! — отвечала мама. — Только не надо близко подходить к муравейнику, муравьи кусаются и не надо разрывать муравейник. Ведь нелегко таким маленьким муравьям построить такие большие жилища”¹.

До варсанофьевских земель добрались поздним вечером, благо стояли белые ночи и лишь тени в лесу становились длиннее. Сначала была деревня Гора — “встреченные люди ласково улыбались и весело здоровались”, а горские ребятишки получили двойную порцию гостинцев. К северу от Горы начиналось Загранье, где находилась усадьба Варсанофьевых².

Двухэтажный барский дом прятался в глубине сада, граница которого была отмечена еловым лесом и березовыми посадками. Имелся и небольшой пруд, где водились караси, и непременно для помещичьих усадеб липовая аллея.

Много липовых аллей пришлось мне видеть в жизни. Но мне кажется, что я не видела ни одной, которая была бы так хороша,

¹ Личные дневники и воспоминания Варсанофьевой В.А. Л. 11–12.

² Сейчас это Сандовский муниципальный округ Тверской области, и деревня с таким названием сохранилась.